

Б И Б Л И О Т Е К А

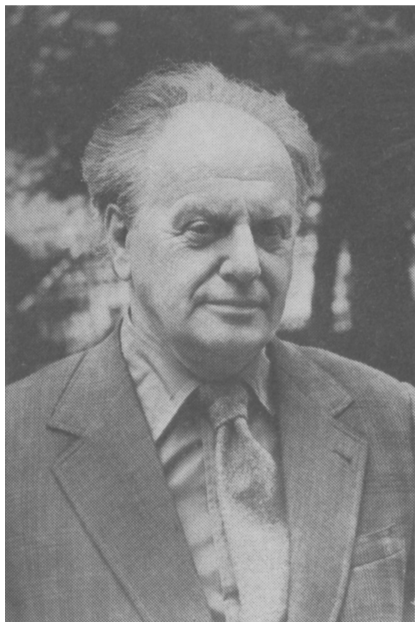
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 16

1989

Евгений
ДОЛМАТОВСКИЙ

ПРЯМОЛИНЕЙНЫЕ СТИХИ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

Издается с января 1925 года

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ПРЯМОЛИНЕЙНЫЕ СТИХИ

Москва, издательство «Правда»
1989

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Евгений Долматовский родился в 1915 году в Москве, рано начал печататься: его первая книжка «Лирика» вышла в 1934 году, когда он находился среди добровольцев — строителей первой очереди Московского метро.

Учился в Литературном институте им. А. М. Горького — был в первом выпуске студентов, в послевоенные годы стал профессором этого института. Из руководимого им семинара в литературу вошел ряд ныне широко известных поэтов.

Участник Великой Отечественной войны, был в Сталинграде и Берлине. В послевоенные годы — активный участник движения защиты мира.

Неоднократно издавались его лирические стихи, роман в стихах «Добровольцы», поэмы «Одна судьба», «Письма сына» и др. Многие известные песни композиторов Шостаковича, Пахмутовой, Фрадкина, Колмановского написаны на стихи поэта.

Его перу принадлежат также книги документальной прозы «Было», «Автографы Победы», «Зеленая брама».

В настоящий сборник включены стихи, написанные преимущественно в начале годов восьмидесятых.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Очень долгую жизнь очень быстро прожив,
Сквозь огонь пробежав без оглядки,
Прихожу я впервые в архив
И теряюсь в его распорядке.
Тишина — как в осеннем лесу,
Запах листьев опалых.
Паутинка приникла к лицу,
На ресницы росинка попала.
Одинаковые этажи,
Полумрак стеллажей одинаков.
В ровном ритме течет эта жизнь
Под охраною шифров и знаков.
Здесь и старых товарищей строй,
Тех, чья память развеяна ветром,
И не ведает каждый второй,
Что героем он был беззаветным.
Открывается тут наконец,
Кто и кем был когда-то оболган,
В ком под маской таился подлец,
Кто был верен опасному долгу.
Степень влажности, норма тепла,
Нелюдимая даль коридора.
Электронная память сюда не дошла,
Но дойдет,
И, наверное, скоро.
А пока —
Фонд, и дело, и лист,
Век проходит по ветхим страницам.
Не рассчитывал протоколист
Стать историком и летописцем.
Но и ты, вероятно, не знал,
Что в картоне тугих переплетов
Зафиксирована крутизна

И твоих колебаний и взлетов.
Думал — мелочь, проскочит, пройдет,
Нет душе никакого убытка,
Но и мелочь взята в переплет
И прошита суровой ниткой.
Надо жить с ощущением, что есть
Фонд, и папка, и лист,
И, конечно,
В документах бесчестье и честь
Остаются в архиве навечно.

1984

МИКРОРАЙОНЫ

Белый зимою,
А летом зеленый
Город, в котором я не был доселе.
Светятся новые микрорайоны,
Будто на землю звезды осели.
Переустройство огромного мира
Слишком легко
Повседневностью стало.
Вряд ли подходит приставочка «микро-»
Многоэтажным этим кварталам.
Нету возврата к лачугам вчерашним,
Все ж новоселов тревожит законно,
Что одинаковы все эти башни,
Эти подъезды,
Эти балконы.
Время иное, масштабы другие,
Но признаюсь, что каким-то наитьем
Все же могу я понять ностальгию
По коммуналкам и общежитиям.
Что, тараканьих времен тебе жалко?
Надо ль идеализировать юность,
Видя в жаргонном словце «коммуналка»
Наше любимое слово Коммуна?
Неоспорима прогресса заслуга,
Только б не стали в своем микромире
Столь же похожими мы друг на друга,
Как интерьеры в каждой квартире!

Новое все хорошо при условии,
Чтоб не унизило дело большое
Сердце — ничтожною микролюбовью
Микросчастливчика
С микродушою.
Может быть, стал я избыточно строгим?
Что тут поделаешь —
Годы на склоне.
Люди, простите мне микротревоги
В нашем громадном микрорайоне.

1983

* * *

Если вы проснулись в прекрасном настроении,
Будьте осторожны:
Не звоните по телефону в цветочный магазин,
Чтобы узнать, есть ли в продаже гвоздики и розы.
Очаровательное контрольно
Пошлет вас к чертовой матери:
Ишь, цветов ему не хватает!
На рычаг гильотиной опустится трубка.

Если вы переполнены нежностью к детям,
Будьте осторожны!
Не заигрывайте в троллейбусе
С карапузом, который и вам улыбнулся.
Милейшая бабушка
Завопит командирским голосом:
Не приставай к моему ребенку,
Не дыши на него, проходимец эдакий!

Если вам удастся
Дотянуть до программы «Время»,
Не получив словесной оплеухи,
Никого, в свою очередь, не оскорбив,
Никого не обидев в семейном кругу,
Сохранив душевное равновесие,
Разрешите мне написать ваш портрет —
Я ищу натуру для идеального героя.

1983

ВОСТОРГИ

Поздравляю! С чем? Да просто так —
Сам поздравлен — поздравлю тоже,
Не подумайте, что я простак,
Хочется мне быть на всех похожим.

Семечко едва дало росток,
Зной и град растенью угрожают,
В области уже пришли в восторг,
Строчат рапорта об урожае.

Поздравляю — сдан товар в утиль!
Фрукты сгнили — больше удобрений.
Как лишай, распространился стиль
Благодарностей и поздравлений.

Кое-как вошли в рабочий ритм,
Еле устранили непорядок,
Что ж никто нас не благодарит?
Не пора ль подумать о наградах?

До чего довольны мы собой,
Нравимся себе, да и друг другу,
Всех благодарим наперебой,
Рассыпаем премии по кругу.

Из себя я этот стих исторг
В осужденье кой-каких явлений,
Но и сам уже пришел в восторг,
Ожидаю ваших поздравлений.

1983

Я РОДИНЕ ПРЕДАН

Я Родине предан и мыслью и делом,
Но как-то неловко вести разговор
О том, что в мороз прикрывал ее телом,
О том, что руками цементный раствор
Замешивал,
Чтобы схватился фундамент

На месте бывших глинобитных хибар,
В поселках, что стали теперь городами,
Кулеш деревянную ложкой хлебал.

Соавторы мы и участники чуда.
Себе не изменим,
С пути не свернем,
Какой бы крутой ни была амплитуда
Меж завтрашним и послезавтрашним днем.

И все-таки
Строгая даль идеала
Зовет, чтоб не смели расслабить сердца
Ни пустопорожние речи бахвала,
Ни вздохи глупца,
Ни восторги льстеца.
Останутся в соотношении тонком
Мечта и действительность,
Цель и маршрут.
А честь славословья доверим потомкам —
Когда-нибудь пусть нас добром помянут.

1984

КРУГОВАЯ ПОРУКА

Как я мог убедиться,
Хорошая штука —
Испытанье единства,
Боевая порука.
Не ее ли судьба предлагает железно
Альпинистам, шагающим в связке над бездной,
И матросам на гребне девятого вала,
Чтобы с палубы робких волна не смывала.
Боевая порука —
С гранатой на танки
И молчанье братьев под пыткой в охранке.
Танков я не взрывал,
Не был я скалолазом,
Не обучен команде «свистать всех наверх»,
Но навек

Боевою порукою связан —
С Революцией
Связан порукой навек!

Потому и готов задушить, как гадюку,
Безобидное с виду исчадие зла,
Не чета боевой —
Круговую поруку,
Что сквозь щели безопасности
В дом наш вползла.
Не стесняясь, устроилась очень уютно,
Малодушных втянула в порочный свой круг,
Их мозги пеленою окутала мутной,
Чтобы не различали, где враг, а где друг.
Ты — бездельника труд,
Ты — невежды наука,
Ты — несправедный суд,
Круговая порука.

Сколько раз ты прикрытьем для трусов служила.
Сколько раз от ответа смывалась хитро!
Твой прообраз —
Молчание пассажиров,
Если пьяный наглец матерится в метро;
Или — хуже:
Позор кругового обмана
Спекулянтов
И тех, кто поближе к кормам,
Или ложь о перевыполнении плана,
Чтобы круглая премия в каждый карман;
Или стговор пиитов из разных редакций —
Ты мои, я твои сочиненья в печать...

Если нравы поруки такой утвердятся,
Перед прошлым и будущим нам отвечать!
Тех, в ком совесть не спит,
В наступленье зову я,
За успех поручиться могу головой:
В окружение поруку возьмем круговую
И задушим — порукой своей боевой!

1979

ТЕЛЕФОН ДОВЕРИЯ

Новациями время наше меряя,
С восторгом извещаю,
Что введен
У нас в столице телефон доверия,
Поистине волшебный телефон.
Им пользоваться можно в крайнем случае,
Лишь для души...
(Какая в нем корысть?)
На все вопросы вы ответ получите,
Вас ждут мудрец,

сексолог

и юрист.

По должности они к вам будут чуткими,
Спасительно значенье их бесед.
Ваш анонимный друг дежурит сутками,
Без перерыва на обед.
Разлюбленный,
Покинутый,
В отчаянье
Вы номер набираете.
И вдруг
Ответной речи доброе журчание—
Откройтесь, не стесняйтесь, я ваш друг.
Он выслушает сбивчивую исповедь,
Вздыхая на трагических местах.
Покажутся вам прописные истины
Великой новостью в его устах.

...Избыточно доверчив, тем не менее
Я был бы просто счастлив, если б мог
Найти в высоковольтном напряжении
Доверия хотя бы слабый ток.
Я знаю наизусть,
Я нянчу в памяти
Тот номер — исцеленье от тоски.
Звоню, звоню...
Там занято и занято,
Ночь напролет — короткие гудки.

1984

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Районный оратор, готовый заране,
Взошел на трибуну с бумажкой в кармане,
Бумажку достал и ладонью разгладил,
И речь как завел, как повел, как заладил,
Глазами и носом припаян к бумажке,
Где буквы и мысли ползут, как букашки.

Бубнит он и мямлит, оратор районный,
Не слушает зал, безразличный и сонный.
Он понял — актив засыпает от скуки.
Для жеста придется задействовать руки.

Как только он поднял костлявые кисти,
Почувствовал волю исписанный листик,
И свежего ветра поток турбулентный
С трибуны унес его одномоментно.

Внесем в протокол: оживление в зале.
Бумажку ловили, да вот не поймали.
Оратор замолк, и растерян, и бледен.
Но, видно, ему свежий ветер не вреден.

Отчаянье преодолел он
И начал
Про наши труды, неудачи, задачи
Без всякой бумажки,
Прямыми словами,
Какими мы дома обходимся с вами.

Пожалуй, давненько районное вече
Такой деловитой не слышало речи.
Зал замер.
Но были, признаться, моменты,
Когда он срывался на аплодисменты.

Вот притча и вся...
В заключение заметим,
Что очень полезен для нас свежий ветер.

1983

НАСЧЕТ ВОСПОМИНАНИЙ

По мере отдаления событий,
В которых сам участие принимал,
Ты кажешься себе
Все знаменитей,
Хоть был в ту пору ни велик ни мал.
Мы не были, конечно, желтороты,
Пост занимали важный на войне,
Высоким уровнем стрелковой роты
Весьма довольны и горды вполне.
На узком заболоченном участке
Захватчикам давали мы отпор,
И в общем-то и целом — это счастье,
Что выжили,
Что живы до сих пор.
И ты совсем не стар, дружище старый,
Мы на подъем по-прежнему легки,
Но нас, сверкающих, как самовары,
В президиум несут под локотки.
Рассядемся, застынем в напряженье —
Ведь представляем целые фронты
По одному от каждого сраженья:
От Сталинграда я,
От Курской битвы — ты.
И я уже себя ловлю нередко
На том, что просочилась в мой рассказ
История, как будто бы в разведку
Верховный лично сам отправил нас.
Я разорвал блокаду Ленинграда,
Пять сопредельных стран освободил.
Утихни, говорю себе, не надо...
Да вот остановиться нету сил.
Мелькнул в кино и телесериале
Надуманый какой-нибудь сюжет,
А мы его уже приплюсовали
К своим воспоминаньям грозных лет.
Товарищи!
Вернемся в рядовые,
Какими послужили мы России!
Хочу по праву вашего поэта
Вопрос поставить на повестку дня
О достоверной памяти...
За это
Не надо обижаться на меня.

1985

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Город к празднику бурно готовится.
Много шума и минимум толку.
Тридцать дедов-морозов
В автобусе
Выезжают работать на елку.
Перекошены ватные бороды,
Осыпаются блески с поддевок.
По дворцам новогоднего города
Их развозят, согласно путевок.

Малышей отвлеките, родители:
Слишком вид этих дедов затаскан.
Только б жалкий парад не увидели
И не рухнула вечная сказка.
Впрочем, здесь эта сказка не вечная
(Просто взлет беспардонной халтуры).
Жалким текстом она обеспечена,
Утверждена в отделе культуры.

Обнаружив, что фея-снегурочка
Курит в кафельной мгле туалета,
Зарыдала дошкольница Шурочка,
Неспособная выдержать это.
А снегурочка с дедом уехали,
Позабыв о раздаче подарков:
В день четыре спектакля!
До смеха ли?
Грим расплавился.
Душно и жарко.
Говорю не в насмешку, а с болью я.
Даже взрослому некуда деться:
Мучит стыд.
И не хочется более
Возвращаться в счастливое детство.

1983

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПРОШЛОГО ЛЕТА

На пороге бедняги Университета,
У дверей институтских,
Расшатанный вдрызг,

Набухает удушие «приемного» лета,
И звонки телефонов похожи на визг.
О способном ребенке звонили «оттуда»,
Но не слышно откуда — бушует толпа ж.
Ректор в отпуск умчался.
Проректору худо,
Все опаснее прессинг мамаш и папаш.
Чтоб унять этот конкурс родителей,
Нужен
Протокол милицейский, не то чтоб стихи:
Приглашают дежурных вахтеров на ужин,
Лаборанткам французские дарят духи,
А тем временем чью-то особую внучку
В деканат черным ходом проводят за ручку.
Репетитором туго накачанный олух,
В окружении с юга приехавших дядь,
Задыхаясь, потя, плутая в глаголах,
Молит двойку ему переправить на пять.
Тут и гений дзюдо,
И звезда волейбола:
Их рекорд — побежденная высшая школа.
Это конкурс — воистину — папин и мамин.
Я родителям всем
И радетелям всем
С дорогой бы душою устроил экзамен,
Предложил бы по выбору несколько тем:
Как вы там, у себя, на ответственном месте,
Как вам нравятся шашни ловчил и пролаз?
Все ль в порядке у вас относительно чести?
Разве писан советский закон не про вас?
Что ответят они?
Приструните задиру!
Сочинял бы он лирику, а не сатиру.
Он клеветает на нашу действительность...
Или
Все потомки его в институт поступили?

1980

ПРЕДКИ

Знамениты мои товарищи
(Приходилось, наверно, слышать?),

Их фамилии называючи,
Сам становишься как бы выше.

Как сумели вы стать героями,
Кто со звездочкой, кто без оной,
Как отстаивали и строили
Мир свой, в будущее влюбленный.

Межпланетные люди русские
С «Интернационалом»-гимном,
Им никто не давал инструкции,
Как за Родину жить и гибнуть.

Просто действовали по совести,
Чувства переведа в рефлексy,
И себя отдавали полностью,
Клеветы не терпя и лести.

У эпохи, да в самом кратере,
Обжигались дыханьем лавы.
Как гордились отцы и матери
Тем, что дети на пике славы.

Но явление теперь обратное
Наблюдается, коль взглядеться,—
Что родителей имя знатное
Стало чем-то вроде наследства.

Что иные сыны и дочери,
Переростки и малолетки,
Полагают — им в рай без очереди
Можно, если такие предки.

1984

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В день рожденья тебе подарил я букет,
В нем цветов — по количеству прожитых лет.
Сколько именно?
Это уж наши дела.
Жизнь твоя пред глазами так близко была,
На таком расстоянии почти не видны
Гравировка морщинок и соль седины.

Вот и кончились праздники...
Будни опять.
Я гвоздики попробовал пересчитать,
Очень странная вещь, но поклясться готов —
С каждым утром в букете все меньше цветов,
Словно в доме ведется обратный отсчет,
Как на старте,
Готовящем спутник в полет.

Этой маленькой тайны разгадка проста —
В каждом возрасте скрыта своя красота,
И, наверно, напрасно стесняешься ты,
Убираешь увядшие за ночь цветы.
Сохрани мой подарок — тяжелый букет,
Где цветы — по количеству прожитых лет.

1979

ТЫ

Несерьезно — приятельство ставить в заслугу,
Забывать, что глаза панибратства пусты.
Но бывают мгновенья,
Когда люди друг к другу
Обращаются только на «ты».
Перед страшной бедой
Или радостью страшной,
Разделяя восторг или чувство вины,
Подчиненный с начальником,
Младший со старшим
Вдруг становятся беспрекословно равны,
Переходят на «ты» незаметно и просто...
Возникает магнитное поле родства,
Осыпается предубеждений короста,
Сокровенный свой смысл обретают слова.
...Человеческой близости высшая точка,
Как звезда, а точнее — как комета, светла,
Закрепляется на небосводе непрочно
И, к земле приближаясь, сгорает дотла.
...Вдруг споткнется о холодность доброе слово.
На приветствие не повернув головы,

Побратим твой вчерашний остынет
И снова,
Недоступный,
К тебе обратится на «вы».
«Вы», конечно, солидное местоименье,
Но в других есть не меньший запас красоты.
Так давайте не будем стыдиться мгновенья,
Когда мы обращались друг к другу на «ты»?

1979

ЗВЕЗДНЫЙ ДОМ

Полгода двое в космосе кружили,
Прошли проверку пламенем и льдом.
Теперь в автоматическом режиме
Работу продолжает звездный дом.

Зеленовато светятся приборы,
Ведя с землей свой разговор немой.
Моделью океанского прибора
Радиоволны плещут за кормой.

И оператор в Центре управления
Заносит в бортовой журнал земной
Свет облаков, магнитные явления
И строки информации иной.

В кругу семейном члены экипажа
Вдыхают осень в Звездном городке.
Но в их душе — потеря и пропажа —
Вершина вдохновенья вдалеке.

Как будто бы они в командировке
Здесь, на одной из маленьких планет,
На стажировке, переподготовке,
И времени для сантиментов нет.

А дом родной — на апогее века,
Где связаны орбитой полюса,
Где герметический уют отсека
И сутки длятся полтора часа.

1978

РАЗДУМЬЕ О ПОДВИГЕ

Ты заметил, что почти всегда
Неритмично вертится наш глобус,
Подвигу предшествует беда,
Та, которой и не быть могло бы.

Безусловно, я не про войну —
Всенародный подвиг воспевая,
Славлю всю героическую страну,
Так сказать, от края и до края.

Я про подвиги любого дня,
Скажем, про отвагу на пожаре.
Не возникло б дыма и огня,
Если б спички близко не лежали.

Должен бы неопытный пловец
Бултыхаться у причала близко,
Но в такие волны он полез,
Что спасали на пределе риска.

Благодушьем мы полны порой,
Не блокируем поступков подлых,
В результате вынужден герой,
Жизни не щадя, идти на подвиг.

Я прошу от имени певцов
Мужества, героизма и отваги —
Дайте отдохнуть в конце концов
Бодрым нашим перьям и бумаге!

Дайте хоть однажды выходной
Всевозможным аварийным службам,
Чтобы катастрофы ни одной,
Чтобы никого спасать не нужно.

Ты, бесстрашный, для себя реши,
Где достойно проявить героизм,
И отдайся подвигам души —
С ними тоже в наши дни непросто.

1983

ТРОПИНКА-НЕДОТРОГА

Прости, цветок, прости, травинка,
Не из упрямства, не со зла
Опять протоптана тропинка
Там, где всегда она была.

В могучем парке, в царстве кленов
Едва заметная стезя
Петляет по своим законам,
Которых отменить нельзя.

Ее сто раз перекопали,
Ввели табличку «хода нет»,
Но вразумит людей едва ли
Райкоммунхозовский запрет.

Под крики сторожа-служаки,
Под знаками «кирпич» и «стоп»,
Как прежде, поперек лужайки,
Босые ножки топ да топ.

Мы в жизни проложили много
Путей, дорог и всяких трасс,
Но здесь тропинка-недотрога,
Она была еще до нас.

А ты про что?
А я про то, что
Есть невозможные дела:
Тропинку все равно протопчут
Там, где всегда она была.

1983

ШУТ

Прождав полдня, я принят был вельможей
На три минуты, как предупрежден.
Сам на себя давно уж непохожий,

Был обнесен бумажным валом он.
Он в данном учрежденье самый старший,
Величествен, как должен быть глава.
Строчит, как пулеметчик, секретарша,
Не спорьте с ней, она всегда права.
Есть также помы у него и замы,
И персонально дремлющий шофер,
Есть свой курьер, носящий телеграммы,—
Племянник, недозревший до сих пор.
А всяких подлипал и подхалимов
Полно, как в желчном пузыре камней.
Секунды тикают неумолимо,
Он вопрошает:
— Что у вас ко мне?..—
А я пришел с проблемой деликатной:
У вас аврал, текучка, суета,
А не найдется ль должности вакантной —
Занять при вас я мог бы пост шута.
Он вам необходим в раздутом штате,
Прямую правду говорящий шут,
Уж слишком часто, кстати и некстати,
Вам дифирамбы лживые поют.
Напомню:
Разным древним королям,
Султанам всяким, вздорным и суровым,
Что называется, мозги вправлял
Веселый шут своим бесстрашным словом.
Вы не султан, конечно, не король,
И я не шут в понятие феодальном,
Но при дворе сыграю эту роль,
Скажу вам правду
(Жаль, что с опозданием).
Ответил новоявленный вельможа:
— Нет, мы шутом зачислить вас не можем,
Вопрос об этом ставить поздновато.—
Согласно данным вековой молвы
Шут попадал под сокращенье штатов
Посредством отсечения головы.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Ув. тов. Министр путей сообщения!
Мы с Вами незнакомы лично,
Быть может, это приглашение
По этикету неприлично,
Но я даю Вам слово честное,
Что Вас в друзьях заочно числю
И приглашаю в путешествие
От всей души, без задней мысли;
Шлю всяческие пожелания
И думаю, что Вам полезно
Побывать на общих основаниях
На линиях дорог железных.

Пусть в тупике стоять останется
Ваш пульман с вежливой бригадой,
На станции и на дистанции
Слать телеграмм вперед не надо.
Без свиты и предупреждения
Начнем с Казанского вокзала.
Да минет нас ночное бдение
В замызганных билетных залах.

Запасшись харчем и терпением,
Уйдем в кочевье по России.
Найдем свои места купейные,
Расстелем простыни сырые.
Нам скажет проводник заранее,
Что до утра не будет чаю,—
А выйдемся из расписания —
За то никто не отвечает;
Что вентиляторы негодные,
Жарища — прямо наказание.
Мы будем пылью прошлогоднюю
Дышать до самой до Казани,
Мы будем нюхать запах газовый,
Окно газетою завесив,
И Вы мне будете рассказывать
О блеске фирменных экспрессов.

Да, эти строки — не элегия,
Но в комплиментах мало проку...

На заседание коллегии
Вам надо возвратиться к сроку.
Не сорвалось бы заседание —

Ведь, к сожалению, слишком часто
Составы ходят с опозданием,
Не спрашиваясь у начальства.

1984

ДЕРЖИТЕ ВОРА!

В автобусе вдруг крик:
— Держите вора! —
Притихли разговоры, стигнул смех.
Прошла над головами тень позора,
Распространяясь на пассажиров всех.
Водитель! Тормози! Дверь на запоре!
Давайте всех обыскивать подряд.
О страшном амнистированном воре
Давно уж на базаре говорят!
Я ощущаю:
Щеки в пятнах красных,
Дрожанья рук не спрятать, не унять.
Был я виновен в прегрешеньях разных,
Не поручусь не согрешить опять,
А все ж за век свой не украл ни строчки,
За славой ни к кому не лез в карман.
Душа всегда томила в одиночке
Безвинно или за чужой обман.
Стою растерянный, к суду готовый,
Свидетелей защиты не зову.
Отбой!
Старушкой найден рубль-целковый.
Поди ж ты, как в кошелке продуктовой
Он спрятался в морковную ботву!

1984

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Как послушать того директора,
Что отправлен вчера на пенсию,
Он в затишья минуты редкие
Увлекался моими песнями.
Бюрократом казался вроде бы,

Но пронес через годы бурные
Эпиграммы все и пародии,
Анекдоты литературные.
Благоверной стихотворения
Декламирровал в годы ранние,
А позднее, при рассмотрении,
Не противился их изданию.
Не забыл и смешного случая,
Как был сбит я подножкой подлюю.
Только совесть его не мучает,
Что тогда мне руки не подал он.
Как я дорог теперь, как нужен ему,
Как дружить и общаться хочется;
Он готов у меня отужинать,
Величает меня по отчеству.
Но, увы, у меня нет времени,
Настроения и желания.
Подведите черту под прения,
Закрывается заседание.

1981

ЗАЯВЛЕНИЕ ВО ВТЭК

Какая скучная история:
Был воин в сорок первом ранен
В Молдавии или в Эстонии,
На той границе или грани,
Где мужество схватилось с подлостью,
Где честность встретилась с обманом.
Про это есть стихи и повести,
Исследования и романы.

Вам надоело повторение,
Вы это в школе проходили,
Но я обязан тем не менее
Писать опять и в том же стиле
Про пораженья и ранения,
Когда нам было не до справок
По форме медсанучреждения,
С печатью слева или справа.

В строй возвращались недолены —
Без нас не может быть победы.
Скрывали раны и увечия,
Какая мелочь — наши беды.
В раздумиях глубокомысленных
Теперь врачебные комиссии,
Одолевают их сомнения:
Давать ли справки о ранении?
А то, что ноют раны старые,
Впиваются осколки в нервы,
Поскольку справок не представлено,
Неточно и недостоверно?
Здесь равнодушные бессовестно!
Поспешные отказы взвесьте,
Такие хлопоты и поиски
Касаются солдатской чести.

Меж трубачей и барабанщиков,
Участников далекой драмы,
Напрасно ищите обманщиков:
Их справки — штыковые шрамы.
Службное умерьте рвение,
Осколки щупайте перстами.
Клиенты эти в скором времени
Вас беспокоить перестанут!

1978

ЧЕЛОВЕК ТАКОГО-ТО

И по поводу,
И без повода
Про товарища имярек
Говорят:
— Человек такого-то,
А не просто, что человек.
Сам такой-то — товарищ признанный,
Хватка есть и запас идей.
Волочит по ухабам жизненным
За собой он своих людей,
Исполнительных и порядочных,
Не каких-нибудь подлецов,
Но таинственно и загадочно
Потерявших свое лицо.

А на месте пропавшей личности,
Что всевышний нарисовал,
Симметричный до неприличности
Образуется вдруг овал.
Разве плох человек такого-то?
За хозяина жизнь отдаст.
Он, как рыцарский конь, подкованный,
Он,
 как сокол-сапсан, глазаст,
Но трепещет душа и мечется —
Тяжко принадлежать ему
Не отечеству,
Не человечеству,
А директору одному.
Прислоняться всегда невыгодно,
Что к начальнику,
Что к стене.
Сам провалится — вместе выгонят,
В первый раз вам быть наравне.
Это трудно, скажу заранее,
И признаться готов, скорбя,
Что, бывало, — терял я звание
Человек самого себя.

1983

НОЧЬЮ

Угломониться, кажется, пора.
Ты наорался и навоевался.
«Последние известия» с утра
Включать не надо.
Лучше слушать вальсы.

В сторонку стань.
Заденут — отшутись.
Трубач! Сыграй нам лучше на свирели...
Как в затяжном прыжке парашютист,
Раскинул руки внучек в колыбели.
Над ним навис грозовый небосклон,
Испорченная надолго погода.
Я вычислил:
Уже назначен он
Призывником двухтысячного года.

Но лишь тогда, когда он станет в строй,
Попробую и я подать в отставку.
Жизнь в наше время кажется порой
Сплошной, непрерывною атакой.

Бореньем перегружена душа:
Как своего
Хлебну чужого горя.
Сырой жарю тропиков дыша,
Себе кажусь индейцем в Сальвадоре.
В моей судьбе — ливанский Бабий Яр,
Руины стадионов и гостиниц
И ощущение, будто это я
В Бейруте недобитый палестинец.
А ночь длинным-длинна,
И так темно,
Как после фосфорического света,
И кажется, что на мое окно
Наведена крылатая ракета.

Тысячелетий не прервется связь!
Бессильна траектория кривая.
Над колыбелью бережно склонясь,
Младенчика собою прикрываю.

1983

СОВЕРШЕНСТВО

Самолеты становятся все совершенней,
Но они до сих пор превзойти не сумели
Стройность линий и летные качества птицы,
Будь то чайка, орел иль воробушек малый.

Все длинней и умнее подводные лодки,
Все опасней торпеды в их темных утробах,
Но они уступают в плавучести рыбам,
Все равно, то акула иль просто пескарик.

Исступленно мечтает искусственный спутник
В небесах говорить, как звезда со звездой;
Как пример и укор всем конструкциям века —
Симметрия цветка и пчелиные соты.

Ну а мы? Если ты незавинченный робот,
Где возьмешь образец и пример совершенства?
Ничего нам, товарищи, не остается,
Кроме трудной возможности быть человеком!

1982

НАМ УДИВИТЕЛЬНО ПОВЕЗЛО

Десятилетия позади...
Виден предел.
Ограничен срок.
К Вечному огню подойди,
Личный свой возложи цветок.
Сколько бы ресницы ни вытирал,
Ни закрывал ладонью лица,
Ясно проходим, что ветеран.
Люди поймут и простят бойца.

Годы безжалостно рассечены
На «до войны»
И «после войны»,
А посередке — сама она:
Жизнь-то одна,
А смерть не одна —
С фронта, с фланга, над головой...
Как получилось, что ты живой?
Новая юность, не обессудь,
Что продолжаем на свете быть.
Как соль, как боль проступает суть.
Память донине — как кровь сквозь бинт.

Но нас, пожалуйста, не жалей —
Мы возвратились с минных полей.
Нам удивительно повезло,
Как бы ни было тяжело,
Мы победители всех невзгод.
Но убывает друзей число
В грозной прогрессии — каждый год.
Отдано пламени столько сил...

Ну, отчитайся, как после жил.
Как убеждался, что в мирном дне
Мужество требуется вдвойне:
Встречный, и часто неравный бой,
Чтоб оставаться самим собой.
Не отступая, свой бой веда,
Верь, что победа не позади —
Жизнь продолжается,
И она
Не только тебе самому нужна:
Юноша с девушкой ветреным днем,
Когда изготовились петь соловьи,
Держат над Вечным нашим огнем
Чистые нежные руки свои.

1984

ЛЕСТЬ

Ничего страшней, чем лесть,
Нет ни в нас, ни с нами рядом.
Лесть умеет в душу влезть,
Отравляя вкусным ядом.
Жил я сложно, плохо спал,
Сам себя судил сурово,
Догоняя идеал,
Превращая в песню слово.
Но пришел веселый лстец,
Умилительно осклабясь,
И сомнениям — конец.
И сладка в коленках слабость.
Все тревоги уничтожь,
К черту сумрачные мысли.
До чего же ты хорош —
Хоть к святым себя причисли.
Лесть змеей в меня вползла,
Вмиг иронию осилив,
И распутна, и мила,
И бесстыжа, и красива,
Трудно побороть ее,
Отослать ее обратно.
Понимаешь, что вранье,
Ну а все-таки приятно.

1969

ПРАВДУ В ГЛАЗА

Нам по душе честный азарт,
Яростно жить надо,
Всем говорить правду в глаза,
Не отводя взгляда.

Пусть над тобой виснет гроза,
Тесно сошлись тучи,
Режь все равно правду в глаза,
Честно сгореть лучше.

Не примеряй — против и за
И не ищи выгод.
Правде в глаза, правда в глаза —
Только один выход,

Не нажимай на тормоза,
Помни в момент острый,
Что принимать правду в глаза
Тоже не так просто.

В морду врагу дать бы раза,
Вроде не наш метод,
Лучше вонзи правду в глаза —
Этот удар меток.

Миру всему прямо врезай,
Как своему брату,
Правду в глаза, правду в глаза,
Только одну правду!

1981

КОЛЮЧИЕ

Всегда в порядке, добрые,
Приятные, удобные,
Они со всеми ладят
И жизнь вдоль шерстки гладят,
Их заповедь — смирение,
Их речи — повторение,

Сияние улыбок,
Признание ошибок...
А я люблю неистовых,
Непримиримых, искренних,
Упрямых, невезучих,
Из племени колючих.
Их мучают сомнения
И собственные мнения,
Но сердце их в ответе
За все, что есть на свете.
Не берегут колючие
Свое благополучие,
И сами лезут в схватку,
И режут правду-матку!
А если ошибаются,
Больнее ушибаются,
Чем тот, кто был корыстен
В опровержение истин.
Не у природы ль учатся
Они своей колючести?
Ведь там, где нежность скрыта,
Есть из шипов защита.

1963

ДРУГ ЮНОСТИ

«Друг юности! Да ты ли это?
Мы не встречались целый век.
В безвестье пропадаешь где-то,
Такой-сякой ты человек.
Ни от ребят, ни из печати
Я о тебе узнать не мог.
Свиданье наше очень кстати,
Подбить попробуем итог.
Ну, кем ты стал, скажи, поведай,
Что приобрел, чего достиг?
Какие одержал победы,
Скорей рассказывай, старик!» —
«Теперь уж поздно торопиться,
И вряд ли нужен мой отчет.

А жизнь — она в своих границах,
В своих параметрах течет.
Без соблюдения дистанций
Уж лучше ты спроси, дружок,
Не кем я стал,
А кем остался,
Что сохранил и что сберег».

1978

СОДЕРЖАНИЕ

Хранить вечно	3
Микрорайоны	4
Если вы проснулись в прекрасном настроении	5
Восторги	6
Я родине предан	6
Круговая порука	7
Телефон доверия	9
Свежий ветер	10
Насчет воспоминаний	11
Новогодняя сказка	12
Впечатления прошлого лета	12
Предки	13
В день рождения	14
Ты	15
Звездный дом	16
Раздумья о подвиге	17
Тропинка-недотрога	18
Шут	18
Приглашение к путешествию	20
Держите вора!	21
Поздняя любовь	21
Заявление во ВТЭК	22
Человек такого-то	23
Ночью	24
Совершенство	25
Нам удивительно повезло	26
Лесть	27
Правду в глаза	28
Колючие	28
Друг юности	29

ДОЛМАТОВСКИЙ Евгений Аронович

ПРЯМОЛИНЕЙНЫЕ СТИХИ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 30.01.89. Подписано к печати 24.03.89.
Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать.

Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,53.
Тираж 150 000 экз. Зак. № 151. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● АНТИСТАТИЧЕСКАЯ ПРОПИТКА

Если Ваша одежда потрескивает, притягивается к телу, значит, на ней скопилось статическое электричество.

На предприятиях химчистки такую одежду обработают антистатиком, снимут электрический заряд.

«БЫТРЕКЛАМА»